Оглавление

Капитолина Пазухина. Рецепция библейского сюжета в стихотворении Даниила Хармса «Вечерняя песнь к имянем моим существующей» 195

Александра Пахомова. Поэма К. К. Вагинова «<1925 год>» . . . 202

Татьяна Пастернак. Вяземская уездная больница или тень М. А. Булгакова в Вязьме 216

Ольга Сетько. Локальные тексты русской литературы: польский текст 227

Анастасия Фисун. Сюжет телесной близости в произведениях А. Платонова 1930-х годов 236

Александра Чабан. В. Брюсов в «Аполлоне» 245

Полина Чеснялис. Книга В. Нарбута «Плоть»: акмеистическое приятие мира и авангард 265

2014. № 3

Летняя школа по русской литературе

ISSN 2307-5945

ЛЕТНЯЯ ШКОЛА
ПО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

международная летняя школа
по русской литературе

Редакционный совет:

Проф. А. А. Кобринский (Санкт-Петербург, Россия), председатель
К. ф. н. А. Ю. Балакин (Санкт-Петербург, Россия)
Проф. И. Ю. Виницкий (Филадельфия, США)
Проф. А. А. Долинин (Мэдисон, США)
Проф. А. К. Жолковский (Лос-Анжелес, США)
Проф. О. А. Лекманов (Москва, Россия)
Проф. М. Ю. Люстров (Москва, Россия)
Г. В. Обатнин, PhD (Санкт-Петербург, Россия / Хельсинки, Финляндия)

Редакция:
А. Ю. Балакин, Е. А. Глуховская,
А. А. Кобринский (ответственный редактор),
О. В. Макаревич, А. А. Чабан

Адрес редакции:
191036, Санкт-Петербург, 1-я Советская ул., д. 10, лит. К.
Тел. (812) 449-52-50. E-mail: summerschool@list.ru
http://schoolsummer.jimdo.com

ISSN 2307-5945 = Letnââ škola

© Авторы статей, 2014
© Свое издательство, 2014

Информация об авторах

1. Капитолина Пазухина, студентка Волгоградского государственного социально-педагогического университета, Волгоград, Россия
kapitolina92@yandex.ru

2. Пахомова Александра, студентка Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия
pahomova@mail.ru

3. Татьяна Пастернак (Смоленск). Студентка Смоленского государственного университета
tat-pasternak@yandex.ru

4. Ольга Сетько, аспирант филологического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Белоруссия
yozzka@mail.ru

5. Анастасия Фисун, студентка Кубанского государственного университета, Краснодар, Россия
asja.ruda@mail.ru

6. Александра Чабан, докторант Тартуского университета, Тарту, Эстония
miser_pretre@mail.ru

7. Полина Чеснялис, аспирант Новосибирского государственного педагогического университета, Новосибирск, Россия
chesnyalis@yandex.ru

Летняя школа по литературе. 2014. № 3. С. 245-264.

Александра Чабан
(Тарту)

В. БРЮСОВ В «АПОЛЛОНЕ»

В статье рассматривается переписка В. Брюсова с главным редактором «Аполлона» С. Маковским, секретарем Е. Зноско-Боровским и постоянным участником, а затем и куратором литературного отдела Н. Гумилевым. Восстанавливается история взаимодействия редакции и одного из главных мэтров русского символизма.

Ключевые слова: Русская литература 1910-х годов, Серебряный век, символизм, акмеизм, В. Брюсов, Н. Гумилев, журналистика.

The article investigates the V. Bryusov's correspondence with S. Makovsky, the editor of the «Apollo» magazine, with E. Znosko-Borovsky, the secretary, and with N. Gumilev, the future curator of the literary department. There is made a reconstruction of the interaction history between the editorial staff and the one of the masters of the russian symbolism.

Key words: Russian literature of the 10th of the 20th century, The Silver age, simbolizm, akmeizm, V. Bryusov, N. Gumilev, journalism.

Несмотря на то, что переписка В. Брюсова с главным редактором и секретарями «Аполлона» до сих пор не опубликована[1], нельзя утверждать, что история их творческих взаимодействий не затрагивалась исследователями. Так, вступительная статья Р. Тименчика и Р. Щербакова к переписке Брюсова с Гумилевым (1906–1920 гг.) [28; 403–514] является одним из главных трудов, освещающих историю литературных связей поэтов, подробные комментарии Н. Богомолова и О. Кузнецовой к переписке Вяч. Иванова с С. Маковским [5; 139–163] содержат также важную информацию о позиции Брюсова в «Аполлоне», наконец, письма И. Анненского к С. Маковскому, откомментированные А. Лавровым и Р. Тименчиком, также помогают в составлении нужного контекста событий, происходящих в журнале [23; 222–242]. Нынешняя статья стремится к описанию полной истории диалога В. Брюсова

[1] Несколько писем Маковского Брюсову, тем не менее, издано. См.: [19; 356–371].

с редакцией «Аполлона», его предпосылок, неожиданных поворотов и последствий.

После того, как 1909-му г. с литературной арены постепенно уходят два центральных флагмана символизма, журналы «Золотое руно» и «Весы», образовавшуюся нишу занимает журнал «Аполлон», претендующий на роль основной трибуны модернизма. Разговоры об организации журнала появляются в начале года[1], и уже через несколько месяцев начинается активная переписка с будущими сотрудниками журнала: Вяч.Ивановым, И. Анненским, М. Волошиным, А. Волынским и т.д. Столь пестрый состав корреспондентов очень хорошо демонстрирует очевидность идеи смены модернистской парадигмы для участников литературного процесса 1900–1910-х гг. и их настойчивое желание встать в его главе. Однако содержание писем показывает, что мало кто из корреспондентов понимал, как именно будет выглядеть идеологическая платформа «Аполлона». Не случаен поэтому ряд литературных конфликтов, происходивших в редакции еще до выхода первого номера: скорый разрыв Волынского с журналом [22], отклонение ряда предложений Волошина[2], отчасти — «задвижение» И. Анненского. На фоне всеобщего энтузиазма В. Брюсов отнесся к новому начинанию

---

[1] См. в воспоминаниях С. Маковского: «Я познакомился с Гумилевым 1-го января 1909 года, на вернисаже петербургской выставки — “Салон 1909 года” <…>. Сразу разговорились мы о поэзии и о проекте нового литературного журнала; от многих писателей уже слышал он о моем намерении “продолжить” дягилевский “Мир Искусства”. Тут же поднес он мне свои “Романтические цветы” и предложил повести к Иннокентию Анненскому» [24].

[2] В ряде писем к Маковскому М. Волошин то предлагает включить в сотрудники журнала композитора В. И. Ребикова, который «ведет борьбу за “орфизм” (по его терминологии) против “вакхизма”» и «очень близок нам по идеям» (письмо от 8 августа 1909 г.), то сокрушается по поводу изъятия из первого номера журнала его трактата “Horomedon”: «Единственное, что мне жаль немного, если “Horomedon” не появится в первом № - это то, что он задуман в своей форме как “pendant” к “Музам»” - охватывающий Аполлоническое творчество с иной стороны <…>. Быть может, можно было бы, устранить от “Horomedon”а невозможность его помещения? Как редакционного манифеста, какой-нибудь вступительной оговоркой с моей стороны, ставящей его в непосредственную связь с “Музами”?» (письмо от 2 августа 1909) и т.д. [10; Л. 5–6 и Л. 4 соотв.]. Идеи Волошина были отклонены. Перевод стихотворного цикла Клоделя «Музы» был напечатан лишь в «Аполлоне» №9 за 1910 г.

достаточно прохладно[1], не пообещав не только тесного сотрудничества, но и стихотворений для первого номера. В письме от 28 августа 1909 г. Маковскому пришлось почти уговаривать мэтра:

Многоуважаемый Валерий Яковлевич, позвольте мне напомнить Вам о нашей беседе еще весною относительно возможности вашего сотрудничества в «Аполлоне». Вы отнеслись тогда с сочувствием к нашему начинанию, но не захотели ничего обещать для первых номеров журнала… Тем не менее, мне очень хочется еще раз просить Вас дать «Аполлону» не только право упомянуть ваше имя в числе сотрудников, но хоть что-нибудь более реальное. В первом номере будут напечатаны стихотворения многих любимых нами поэтов: Вяч. Иванова, Бальмонта, Сологуба, Волошина, Гумилева. Было бы просто непонятно, если бы между этими именами отсутствовало ваше имя, тем более, что статья «Аполлона» «О современном лиризме», которою мы начинаем ряд критических статей о русской поэзии, посвящена главным образом Вам. Из всех современных поэтов Вы, конечно, наиболее дороги нам (пишу от имени редакции),— вот почему моя просьба, обращенная к Вам, приобретает совсем исключительный смысл.

Я готов был бы предложить Вам, — как когда-то было с Пушкиным,— по червонцу за страницу, если бы думал, что можно оценить золотом золотую чеканку Ваших строк! Но если стихов у вас все-таки нет, то не дадите ли вы нам рассказ или критическую статью? У меня есть тема, которая, я уверен, должна вас заинтересовать: «О возможностях русского стиха». Впрочем, я предоставлю Вам полную свободу выбора [25, л. 1].

В первом номере «Аполлона», действительно, появилось стихотворение В. Брюсова «Александрийский столп», весьма удачно вписывающееся в общую «аполлиническую»[2] концепцию жур-

[1] Вероятно, до Брюсова могли доходить некоторые слухи об организации нового журнала и об активном участии при этом Н. Гумилева. Так, во всяком случае, можно проинтерпретировать следующий пассаж Гумилева из письма к Брюсову от 26 февраля 1909 г.: «Дорогой Валерий Яковлевич, я не писал Вам целую вечность и две вечности не получаю от Вас писем. Что послужило причиной последнего, не знаю и никакой вины за собой не чувствую. <…> Ни на каких редакционных или иных собраниях, относительно которых Вы меня предостерегали, не бывал». Об этом же см.: [28; 490–491].

[2] Во вступлении к первому номеру отмечалось: «Давая выход всем новым росткам художественной мысли, “Аполлон” хотел бы назвать своим только строгое искание красоты, только свободное, стройное и яс-

нала[1]. Однако при всем почтительном обращении Маковского к Брюсову, пока еще трудно судить об особом отношении редакции к его персоне. Так, в письме к Вяч. Иванову Маковский перечисляет Брюсова в общем ряду со всеми другими поэтами, печатавшимися в первом номере: «В течение четырехмесячного существования журнала я только и делал, что обращался к метрам, и за это меня по преимуществу почти единодушно и укоряла критика. Я начал с привлечения Вас, Анненского, Брюсова, Бальмонта, Бенуа и, наконец, Волынского <…>. Именами этих вождей начался “Аполлон”» [5; 142]. Несложно заметить и главную идею Маковского для первого номера журнала: журнал представлен ведущими именами, «вождями» модернизма.

Начиная уже с сентября 1909 г. молодая редакция вновь обращается к Брюсову уже с другим предложением: прочитать курс лекций в только что организованном «Обществе ревнителей художественного слова» (ОРХС) или, как кратко его называли, «Поэтической академии». Секретарь «Аполлона» Е. Зноско-Боровский 21 сентября пишет Брюсову: «Для чтения лекций-докладов все будущие участники собраний очень приглашают Вас, зная, что Вы в этом году намерены жить в Петербурге. Настоящим письмом я позволяю себе передать это приглашение, которое будет по Вашем приезде передано Вам мною — и не одним мною — лично,— и мы очень надеемся, что вы не откажетесь принять участие в этом начинании. <…> Главным инициатором является Н. С. Гумилев» [17, л. 1]. Упоминание Гумилева здесь, конечно, не случайно, т.к. показывает ощущаемую всеми связь двух поэтов.

Приглашением для чтения лекций дело не ограничилось: вскоре как секретарь, так и главный редактор настойчиво просят Брюсова стать членом правления «Поэтической Академии». Остальными членами правления являлись И. Анненский, Вяч. Иванов и С. Маковский. Хотя этот пост во многом, по убеждениям самого Маковского, был достаточно номинальным[2], осталь-

---

ное, только сильное и жизненное искусство за пределами болезненного распада духа и лженоваторства» [26; 3].

[1] Ср. помещенные также в первом номере «аполлинические» тексты: статью А. Бенуа «В ожидании гимна Аполлону», стихотворения С. Маковского «Бог грозных чар и строгих песен…», Вячеслава Иванова Apollini. («Когда вспоит ваш корень гробовой…»), рубрика «“Пчелы” и “осы” Аполлона».

[2] Письмо Маковского Брюсову от 24 ноября 1909: «Во-первых, очень прошу Вас <…> не отказываться от звания “члена правления” общества.

ные участники вполне серьезно относились к занимаемой должности. Так, Вяч. Иванов, на чьей квартире и проходила большая часть заседаний, рассматривал ОРХС как некоторую попытку организовать в будущем поэтическое направление под своим руководством[1]. И. Анненский также возлагал на ОРХС большие надежды. Судя по тому, что в течение октября—декабря Брюсову было прислано несколько писем с просьбой о вступлении в состав правления, Брюсову эта идея опять же не слишком нравилась[2]. Кроме того, обещание выступить в ОРХС с лекциями также не было исполнено.

Однако редакция активно продолжает приглашать Брюсова к участию в журнале. В письме от 24 ноября помимо очередной просьбы стать членом правления ОРХС, Маковский просит мэтра прислать его сочинения для январского номера «Аполлона». Январский номер открывал новый издательский год, и на протяжении нескольких лет Маковский стремился поместить именно тексты Брюсова в первые номера[3] или (если стихотворения запаздывали) первыми в подборке. О желании «дать “тон” всему сборнику [здесь: альманаху. — *А.Ч.*] Вашими стихами» [25, л. 14.]

Это создало бы новые затруднения в деле утверждения устава и нарушило бы весь план Академии. <…> Для фамильярного утверждения законности общества нужны имена членов Правления – следовательно и Ваше имя <…> Ваше положение совсем не исключительное в смысле недеятельной работы в первую пору существования общества. Ваше обещание прочесть 5-7 лекций по теории и истории русского стиха было встречено восторженно членами Академии и было бы очень обидно не включить теперь же Вашего имени в число лекторов и <…> — членов совета и правления» [25, л. 3.].

[1] «Тогда, еще перед выходом первой книжки «Аполлона», выяснилась еще одна задача для дела успешного объединения поэтов. О ее разрешении больше всех заботился Вячеслав Иванов. Он давно мечтал собрания на его «башне» (которые отнимали много времени и становились непосильной обузой для его скромного бюджета) приспособить к какому-нибудь другому литературному очагу». [24].

[2] Брюсов – Вяч.Иванову: «“Академия” – учреждение очень приятное, заслуживающее всяческой поддержки, полезное, но ведь оно имеет смысл только при существовании истинной жизни. Иначе ее роль – сохранять, и бессмысленно сохранять традиции и формы, чтобы передать их более счастливым поколениям» [12; 524-525].

[3] Письмо от 06.09. 1910: «Я бы так хотел начать новый год издания (№1 выйдет 15 декабря этого года) Вашей большой принципиальной статьей, о которой давно мечтаю». [25, л.13.]; от 17.12.1909: «Присылайте Ваши стихи! Нам важно было бы ими начать новый год» [25, л.4.].

Маковский прямо пишет Брюсову. В этом потоке нескончаемой любезности, источаемой Маковским и Зноско-Боровским, конечно, усматривается не только пиетет перед одним из лидеров символизма. Тактика редакции, особенно на самом раннем этапе, заключалась в привлечении в журнал как можно большего количества известных имен. Так, несмотря на явные идеологические расхождения, Маковским было предпринято несколько попыток привлечь к сотрудничеству весьма далеких от среды петербургской богемы, но популярных, И. Бунина и Л. Андреева[1]. На этом фоне Брюсов, безусловно, был чрезвычайно желанным гостем. Никому больше таких почестей редакция не оказывала.

Характеризуя впоследствии первые месяцы существования «Аполлона», Маковский признавал «хаотичность» журнала и отсутствие прямо выраженной идеологии[2]. Несмотря на это эстетическая позиция менялась весьма динамично: к 1910-му г. из числа сотрудников исчезают А. Волынский и Ф. Сологуб[3], почти больше никогда не появится К. Бальмонт, все реже печатаются М. Волошин[4] и А. Бенуа[5]. Устойчивая линия по «притяжению» Брюсова, идущая вразрез с массовым «исходом» литераторов, становится весьма симптоматичной: из желанного гостя, чьим

---

[1] «Рассказ “на историческую тему” обещал журналу Л. Андреев (письмо от 19 сентября 1909); В письме к Бунину Маковский перечисляет уже приглашенных в “Аполлон” прозаиков: Ф. Сологуба, Б. Зайцева, О. Дымова, С. Ауслендера, Б. Садовского, А. Ремизова» [23; 227].

[2] «Я и смотрел на первый год “Аполлона” как на переходный», — признавался Маковский Брюсову в письме от 9 сентября 1910 г. [25, л.13.].

[3] «Ф. К. Сологуб совершенно неожиданно обиделся самым серьезным образом на Маковского, заявив, что после такой статьи [статьи И.Анненского «О современном лиризме» (Аполлон. 1909. № 1)] не исключена возможность даже вызова на дуэль и что он более в “Аполлоне” принимать участия не может», — вспоминал В. Анненский-Кривич [23; 229].

[4] Расхождение Волошина с редакцией «Аполлона» отчасти произошло вследствие дуэли с Гумилевым (См. об этом: [31]; [18]), отчасти из-за раскрытия мистификации с Черубиной де Габриак [20; 168–173].

[5] К 1916 г. А.Бенуа окончательно разошелся с «Аполлоном». В статье «О розни среди художников» он замечал: «Сколько бы ни старался Аполлон казаться задорным, смелым, самодовлеющим, он такой же парнасец <…> как “Мир искусства”. <…> Именно убеждений <…> не хватает “Аполлону”. Вернее, в силу своей чисто эстетической психологии он их игнорирует. А между тем, нам нужна ярость пропаганды, нашему художественному миру нужен кроме “Аполлона” и “Дионис”» [2; 2].

именем стремились украсить первые номера, Брюсов переходит в разряд необходимых сотрудников. Весьма вероятно, подобные надежды на Брюсова были инспирированы Гумилевым, однако и самому Маковскому как редактору должен был весьма импонировать колоссальный опыт Брюсова в журнальном деле. Вяч. Иванов при всем его авторитете такого опыта не имел[1].

Неожиданная смерть И. Анненского, 30 ноября 1909 г., поставила перед редакцией новые организационные задачи. «Аполлону» снова необходим был мэтр, способный повести за собой как участников, так и читателей журнала. Разлад с Вяч. Ивановым[2], наметившийся к концу года, показал, что на эту роль тот вряд ли подойдет.

По всей видимости, в этот период редакция пробует сделать ставку именно на Брюсова. В письме от 17 декабря Маковский благодарит Брюсова за согласие прислать для январского номера статью и продолжает дальнейшие активные наступления: просит «считать своим»[3] «Аполлон». Ожидать расположения Брюсова и его появление в составе редакции все же были некоторые основания. К декабрю 1909 г. окончательно завершают свою деятельность «Весы», и редакция «Аполлона», вероятно, надеется, что Брюсов, следуя примеру других символистов, также обратит свои взоры на новый журнал. Как известно, большинство представителей «молодой редакции» «Аполлона» прошли через школу «Весов» и часто подчеркивали свою преемственность (Ауслендер, Волошин, Гумилев, Кузмин), в таком случае обращение к «Аполлону» как к журналу, отчасти продолжающему тради-

[1] Н.Богомолов, тем не менее, указывает, что 1909 г. – период второго расцвета книгоиздательства «Оры», руководимого Вяч.Ивановым [4]. Так что и Вяч. Иванов был не чужд издательско-журналистской деятельности, хотя и в меньших, по сравнению с Брюсовым, масштабах.

[2] Непростые, а иногда напряженные взаимоотношения Маковского и Вяч. Иванова описывает Тименчик: «В дальнейшем между Маковским и Вяч. Ивановым возникали существенные расхождения в определении теоретической позиции и конкретной литературной тактики “Аполлона”<…>» [23; 226].

[3] «Самоопределение журнала… конечно, но оно может совершиться лишь постепенно: слишком резко-индивидуальные люди сошлись в редакции! Разноголосицы уже меньше в последнем выпуске. “Январь” будет еще цельнее… Мне хочется верить, Валерий Яковлевич, что Ваша помощь журналу, Ваше близкое участие в нем повлияет именно в этом смысле самым лучшим образом на наше дело. Мне хотелось бы, чтобы Вы считали «Аполлон» своим журналом!» [25, л.4].

ции «Весов», также было бы вполне логичным. Об этой надежде проговаривается сам Маковский: в указанном письме он просит переслать «Аполлону» адреса подписчиков «Весов», тем самым явно прочерчивает линию преемственности [25, л. 4об].

Столь скорый выпад Маковского мог в очередной раз насторожить Брюсова. Во всяком случае, статья в январском номере не появилась[1]. Молодая редакция, тем не менее, совершенно не отчаивалась. В письме от 17 января 1910 г. Зноско-Боровский уже просит Брюсова прислать текст для следующего, февральского номера и, кроме того, предлагает Брюсову должность обозревателя хроники французских литературных событий [17, л. 3]. Таким образом из непостоянного сотрудника редакция настойчиво стремится сделать Брюсова участником[2] журнала. Брюсов опять отказывает, но в февральском номере «Аполлона» на неизменном первом месте в поэтическом разделе появляется цикл из семи стихотворений поэта под названием «Пляска смерти»[3].

Интересно, что в основных маневрах по привлечению Брюсова в орбиту «Аполлона» Гумилев почти не участвует, по крайней мере, явно: с 29 ноября по 5 февраля он находится в Африке, а в сохранившейся переписке поэтов с мая по декабрь 1909 г. нет ни одного письма. Вероятно, содержание майского разговора, где мелькали следы явного неодобрения Брюсовым новых знакомств (с Вяч. Ивановым) и журнальных начинаний поэта могли наложить отпечаток на взаимоотношения ученика и учителя. Гумилев предпочел поставить Брюсова уже перед фактом. Вместе с этим показательна довольно частая апелляция сотрудников редакции к имени Гумилева (см. письмо об участии Брюсова в ОРХС). Забегая немного вперед, приведем еще одно письмо Зноско-Боровского: «Многоуважаемый Валерий Яковлевич, Н. С. Гумилев передавал

---

[1] Р. Тименчик объясняет отсутствие стихотворений Брюсова в январском номере также тем, что редакции пришлось включить в №4 несколько статьей, посвященных памяти И. Анненского [19; 356].

[2] Н. Гумилев придавал большое значение переходу «сотрудников» в «участники». Так, М. Кузмину он писал по поводу выпуска ежемесячника стихов «Остров»: «Мы очень ценим, что Вы у нас “участник”, а не просто “сотрудник”» [13; 59].

[3] 19 февраля 1910 г. Маковский писал по этому поводу Брюсову: «Позвольте мне сердечно поблагодарить Вас за серию Ваших стихотворений для февральской книжки “Аполлона”. Эта книжка случайно запаздывает, и это дает мне возможность напечатать “Пляску смертей” на подобающем ей первом месте “Альманаха”» [25, л. 5].

редакции «Аполлона» о том, что у Вас есть готовая трагедия, которую, может быть, можно было бы получить из «Русской мысли» для нашего Альманаха» [17, л. 14].

Очевидно, некоторые инициативы в отношении Брюсова и «Аполлона» исходят непосредственно от Гумилева. Причем, Гумилев иногда старается не афишировать свое участие, иногда, наоборот, настойчиво проводит свою линию. Пример с Брюсовым в практике Гумилева не единичный: известно, что именно Гумилев познакомил Анненского и Маковского и горячо рекомендовал пока еще не известного директора Царскосельской гимназии в состав редакции. Но если в случае с Анненским все сложилось относительно быстро и благополучно, то с Брюсовым история затянулась несколько дольше.

С декабря 1909 диалог поэтов постепенно налаживается, и в марте 1910 Гумилев уже, как и прежде, просит Брюсова написать отзыв на свою новую книгу стихов, «Жемчуга». В письме он продолжает называть Брюсова учителем[1], а в апреле «отрекается» от учения Вяч. Иванова: «<…> теперь я весь устремлен к иному, новому. Каково будет это новое, мне пока не ясно, но мне кажется, что это не тот путь, по которому меня посылает Вячеслав Иванович» [28; 498]. В № 8 «Аполлона» за май 1910 г. Гумилев торжественно сравнивает Брюсова с Петром Великим[2]. Данное чересчур лестное сравнение запомнилось как самому адресату [9, л. 2], так и читателям[3], но прежние доверительные отношения были восстановлены.

Предложения Маковского и Зноско-Боровского, однако, запоздали: запасной плацдарм уже давно был подготовлен Брюсовым, в виде ежемесячника «Русская мысль». Причем, как показал Н. Богомолов, более широкая аудитория читателей, не

---

[1] «Многоуважаемый и дорогой Валерий Яковлевич, скоро должна выйти моя книга стихов, посвященная Вам как моему учителю, и я был бы Вам очень благодарен, если бы Вы согласились написать о ней в “Аполлоне”» [28; 497]. Рецензию на «Жемчуга» Брюсов написал в «Русскую мысль». В «Аполлоне» вышел отзыв Вяч. Иванова.

[2] «Наряду с творчеством, они должны были насаждать культуру, говорить об азбучных истинах, с пеной у рта защищать мысли, которые на Западе стали уже общим местом. В этом отношении Брюсова можно сравнить с Петром Великим» [14; 60-61].

[3] Через несколько лет Д. Философов замечал: «Брюсов пригрел Гумилева. Благодарный Гумилев пел в печати такие дифирамбы Брюсову, что становилось даже неловко» [30; 3].

ограниченная кругом модернистов и сочувствующих, открывала для Брюсова новые перспективы в деле укрепления общественного влияния [3; 276–277]. На этом фоне «Аполлон», журнал без сформировавшейся репутации и с четко очерченными рамками модернизма, пусть и разных его изводов, ощутимо проигрывал «Русской Мысли». Однако столь настойчивые просьбы и уговоры также не могли не повлиять на опытного журнального деятеля, и его «выжидательная позиция» [5; 141] в отношении Аполлона периодически начинала смягчаться. Брюсов, по всей видимости, решил не отказываться до конца от еще одной публицистической площадки и отчасти распространять и на нее свое влияние. Он начинает интересоваться журналом и часто ведет с Маковским диалоги об идеологической платформе «Аполлона».

Помимо редакционного обращения в первом номере, теоретическая программа «Аполлона» отчасти была изложена в статье И. Анненского «О современном лиризме», в свое время вызвавшей много претензий [23; 228–229] со стороны разных поэтов. В частности, по предположению Тименчика, В. Брюсова могло задеть сравнение его с «колодой карт», подчеркивающее «непостоянство взглядов Брюсова, разнообразие комбинаций его меняющихся литературных союзников» [28; 495]. В свете этого, новое предложение Маковского — написать большую статью «о задачах русского стиха»[1] для январского номера — убивало сразу двух зайцев: и демонстрировало Брюсову готовность принять его в законодатели теории, с другой — укрепляло идеологическую платформу журнала новым манифестом. Неспроста Маковский обещает Брюсову, что «январский номер будет еще цельнее» [25, л. 4].

Брюсов не торопился с публикацией: вместо статьи предложил написать рецензию на книгу А. Белого «Символизм»[2], но затем обстоятельства буквально вынудили его выступить в «Аполлоне» с большой теоретической статьей.

---

[1] Маковский – Брюсову 19 февраля 1910: «Но почему так медлите Вы прислать обещанную Вами статью? Так хотелось бы, чтобы именно Вы сказали в “Аполлоне” о задачах русского стиха – и чем скорее, тем лучше» [25, л.5.]. До этого о статье речь шла в письме от 17 декабря.

[2] В письме от 29 апреля 1910 Зноско-Боровский благодарит Брюсова за предложение написать в «Аполлон» рецензию на книгу Блока [17, л.4]. Видимо, это описка, поскольку в дальнейших письмах Брюсова и Маковского речь идет именно о Белом. Рецензия не вышла.

Скандал, связанный с выходом в седьмом номере статьи Г. Чулкова о «Весах» (конец мая — июнь 1910), где В. Брюсов выступал в качестве «пострадавшей стороны», достаточно подробно описан литературоведами [12; 327–545], [5; 157–159]. Ограничимся лишь следствиями из него, необходимыми для нашей сюжетной нити. Будучи полным негодования, Брюсов, наконец, не ограничился обтекаемо-любезными фразами, а сумел, помимо протеста против содержания статьи Чулкова, выразить и свои основные претензии к политике «Аполлона» по отношению к нему: «Я должен сказать, что вообще мое положение в “Аполлоне” довольно двусмысленно. С одной стороны, некоторые из сотрудников, по-видимому, ко мне расположенные, сравнивают в своих статьях меня с Петром Великим (что более комично, чем почетно). С другой, все серьезные руководящие статьи журнала решительно направлены против меня (я считаю таковыми статьи Анненского, Чулкова, Иванова)» [9, л. 2]. Итак, Брюсова более всего волновало то двусмысленное положение, в котором он, по его мнению, пребывал в «Аполлоне». Маковский со своей стороны пытался всячески разуверить Брюсова в озвученной двусмысленности: «Вы знаете, как я дорожу Вашим участием в “Аполлоне”; это участие на будущий 1911 год представлялось мне особенно деятельным, т.к. по моему глубокому убеждению именно Вы и только Вы могли бы дать «Аполлону» то, чему его пока недостает» [25, л. 6],— пишет редактор Брюсову 16 июля 1910 г. Слова Маковского вскоре были подкреплены делом. Очередная литературная полемика, развернувшаяся на страницах «Аполлона», способствовала окончательному налаживанию отношений мэтра символизма и редакции.

Еще в марте 1910 г. на одном из заседаний ОРХС Вяч.Иванов прочел доклад, послуживший основой для статьи «Заветы символизма», напечатанной в № 8 «Аполлона». В этом же номере была помещена также статья А. Блока «О современном состоянии русского символизма», во многом поддерживающая взгляды Вяч.Иванова. Позиция Иванова сводилась к апологии мистицизма и теургии внутри символистского течения, что было к тому времени совершенно неприемлемым для Брюсова. В «негодующем» письме по поводу «двусмысленности» своего положения Брюсов ссылается не только на статью Чулкова и Анненского, но и Вяч.Иванова как направленную во многом и против него.

Ответ Брюсова, статья «О “речи рабской” в защиту поэзии» появилась в № 9 «Аполлона». В своей статье Брюсов отстаивает

самобытные позиции поэзии, не связанной ни с мистицизмом, ни с теургическими практиками и, в целом, знаменует собой раскол в символистском лагере, полное несогласие с позицией младших символистов.

Ответ Брюсова встретил горячую поддержку у всей редакции «Аполлона», начиная с Маковского, заканчивая Гумилевым. Но причины для радости у каждого были свои.

Как заметно по переписке, С. Маковский, искусствовед, не слишком тонко воспринимал истинный литературный контекст, разворачивающийся в журнале. Основные его силы были направлены на организацию художественных выставок и «искусствоведческую» составляющую «Аполлона». Литературная часть журнала, как и прежде, являлась его ахиллесовой пятой. По всей видимости, Маковский сам не слишком заботился об идеологии и, скорее всего, также смутно представлял ее себе (поэтому часто подобной недальновидностью Маковского пользовались другие члены редакции, как Гумилев, и «проводили» свои идеи). Маковскому как главному редактору весьма выгодно было, что журнал оказывается в центре литературной полемики, участниками которой являются первые литераторы России. Именно этой логикой редактор руководствовался при помещении статей Иванова и Блока[1]. Ответ Брюсова, после скандала со статьей Чулкова и ряда возмущенных писем мэтра, знаменовал возобновляющийся диалог Брюсова с «Аполлоном» и, кроме того, давал новое развитие важнейшей полемике в среде модернистов. Поэтому Маковский, исключительно исходя из позиций редакции, был чрезвычайно доволен появлением статьи Брюсова.

Зноско-Боровский также посчитал нужным высказаться о важности и справедливости именно мнения Брюсова для

[1] Маковский – Брюсову 30 июля 1910: «И все-таки, оставаясь беспристрастным до конца, я напечатал и реферат В. Иванова, и доклад А. Блока! Впрочем, не только из редакторского беспристрастия, а и по той простой причине, что в России всего два-три писателя, с мнением которых о поэзии приходится считаться, и если кто-нибудь из этих писателей, хотя бы наиболее близких редакции, не даст статей журналу, то журнал не имеет возможности отклонить статей других писателей, хотя бы они шли вразрез с мнением первого. Иначе – можно остаться совсем без статей и сотрудников» [25, л.8]. На это заявление обиженный Брюсов заметил саркастически: «Согласен также и с тем, что статьи Иванова и Блока должно было напечатать: кого же иначе печатать “Аполлону”!» [7, л.3].

«Аполлона» и вообще литературного процесса [17, л. 7]. Более всех горячо Брюсова поддержал Гумилев.

В сентябре 1910 г. Гумилев уже постфактум оправдывал свое участие в недавних журнальных событиях: «Относительно “Аполлона” я хочу Вас предупредить, что хотя я считаюсь его ближайшим сотрудником, но влиянье (и то только некоторое) имею лишь на отдел стихов, статьи же, рассказы и хронику читаю только по выходе номера» [28; 500]. Представляется, что здесь Гумилев отчасти лукавил и преуменьшал свою значимость, однако к запутанной истории с рецензией Чулкова он действительно мог быть не слишком причастен. 25 апреля 1910 состоялось венчание Ахматовой и Гумилева, после которого молодожены сразу же отбыли в Париж, где пробыли до начала июня. Так что самый разгар чулковского скандала Гумилев пропустил и не участвовал в нем[1]. 9 июля он как ни в чем не бывало пишет Брюсову и благодарит за положительный отзыв о «Жемчугах» в «Русской мысли» [28; 498]. О ситуации в «Аполлоне» не упоминает ни слова.

Присланная в редакцию статья Брюсова сразу меняет тактику Гумилева. В письме от 2 сентября 1910 Гумилев пишет Брюсову не только от своего имени, но и от имени редакции: «Ваша последняя статья «Весах» [имеется в виду «Аполлон». — *А. Ч.*] очень покорила меня, как, впрочем, и всю редакцию. С теоретической частью ее я согласен вполне, также и полемической, когда дело идет о Вячеславе Ивановиче» [28; 500]. Делая выбор между двумя учителями, Брюсовым и Ивановым, Гумилев еще в апреле убедился в надежности первого, о чем сразу же и поспешил тому сообщить [28; 498]. Теперь же прогноз Гумилева оправдывался. Брюсов оказался именно тем литератором, который не просто ощущал приближение постсимволизма, но и во многом оказывался близок по восприятию к будущему начинанию Гумилева. С Вяч. Ивановым ситуация оказывалась зеркально противоположной: начиная с апреля 1910 года взаимоотношения поэтов постепенно ухудшались, что привело впоследствии к конфликту на одном из заседаний «Академии стиха» (апрель 1911 г.) и разрыву[2].

---

[1] Это в принципе не отменяет того, что Гумилев вполне мог прочитать статью Чулкова до ее выхода в номере.

[2] См. фрагмент из воспоминаний А. Ахматовой: «Когда Н<иколай> С<тепанович> читал в Академии стиха своего “Блудного сына”, В<ячеслав> обрушился на него с почти непристойной бранью. Я помню, как мы возвращались в Царское совершенно раздавленные произошед-

Несмотря на то, что первое заседание «Цеха поэтов» состоялось лишь через год после выхода статьи Брюсова, 20 октября 1911 г., нельзя не связать воедино данные события. В отличие от недальновидного Маковского, Гумилев, по всей видимости, предполагал если не подобный сценарий развития событий, то, по крайней мере, то, что Брюсов сможет выступить нужным ориентиром для дальнейших литературных маневров. В этом же ряду появление в четвертом номере «Аполлона» за 1910 г. статьи М. Кузмина «О прекрасной ясности» также оказывается не только неслучайным явлением, но и весьма закономерным.

Таким образом, 1910 г. заканчивался весьма удачно для всех участников: Брюсов убедился в расположенности к нему «Аполлона», Гумилев — нашел литературного соратника, Маковский — наконец-то заполучил желаемого сотрудника.

Весь 1911 г. проходит под знаком взаимной любви и гармонии. Положительная динамика присутствует и в тональности переписки. Уговоры Маковского сменяются благодарственными сентенциями, Брюсов, наконец-то, начинает поощрять проекты «Аполлона»: «“Аполлон” очень интересен. Смело утверждаю, что это превосходный журнал» [3, л. 1]. Еще в конце 1910 г. воодушевленный Маковский просит у Брюсова новую «принципиальную статью»: «Остается только укрепить позиции, с тою же постепенностью. И в этом смысле Ваша роль может быть огромной. Я жду с нетерпением статьи Вашей о “Символизме” Андрея Белого и жалею, что ее не успеть напечатать к следующему 10 номеру. <…> Но можно ли мне рассчитывать и на другие Ваши работы? Я бы так хотел начать новый год издания <…> Вашей большой принципиальной статьей, о которой давно мечтаю» [25, л. 13]. Предполагаемая «принципиальная статья» Брюсова должна была носить название «Должна ли поэзия быть глуповатой?». С просьбами о присылке Маковский и Зноско-Боровский неоднократно обращаются к мэтру, однако статья прислана не была, что, тем не менее, не накладывало негативного отпечатка на взаимоотношения. Брюсов дает несколько советов по поводу устройства журнала, регулярно присылает свои сочинения. По всей видимости, неприсылка теоретической статьи — шаг не сколько принципиальный, «политический», сколько «личный», продиктованный ощущениями Брюсова. Стоит согласиться с мнением Н. Богомолова, заметившим, что полемика по теоре-

шим и потом Н<иколай> С<тепанович> всегда смотрел на В<ячеслава> И<вановича> как на открытого врага» [1; 594].

тическим вопросам для Брюсова в тот период «словно утратила всякий смысл» [3; 280].

Имя Брюсова появляется на станицах «Аполлона» в 1911 г. довольно часто, причем не только как участника, но и как объекта рецензий. В № 2 В. Чудовский пишет положительный отзыв на «Путника», в № 8 появляется доклад Чудовского о «Русской мысли», где помещено исследование Брюсова о Дециме Магне Авсонии. В том же № 8 Гумилев пишет рецензию на «Северные цветы», альманах, редактирующийся Брюсовым. Интересно, что в символистском альманахе Гумилев, уже правоверный синдик «Цеха поэтов», подвергает критике всех, кроме М. Кузмина, Брюсова и самой редактуры сборника[1].

В переписке поэтов также намечается новая тенденция: наряду с почтительным отношением Гумилева к учителю (Гумилев все еще присылает новые стихотворения Брюсову) заметна усиливающаяся авторитетность ученика. Если раньше он старался не говорить об аполлоновских делах с Брюсовым или стремился показать свою непричастность к происходящему в «Аполлоне», то теперь часто его обращения носят характер не только личный, но и редакционный. Так, Гумилев благодарит Брюсова за присылку трагедии «Протесилай умерший»[2] [28; 506], просит прислать новые сочинения [28; 507] и т.д. То есть во многом начинает выполнять функцию, прежде исполняемую Маковским или Зноско-Боровским.

Как представляется, подобное изменение содержательной стороны писем не свидетельствует об усилении влияния Гумилева в «Аполлоне». Влияние Гумилева ощутимо было всегда, однако раньше оно менее афишировалось. После того, как Брюсов стал более лоялен к «Аполлону» и выступил в печати с размышления-

---

[1] «<…> изд-во «Скорпион» <…> решило возобновить выпуск альманахов. Первый из них производит благоприятное впечатление. <…> Но при просматривании сборника, а тем более при чтении, появляется какая-то досада. Что было хорошо лет шесть-семь тому назад в “Весах”, с подкреплением в виде статей и рецензий, то кажется как-то беспомощно-неубедительным теперь. Если исключить крошечную комедию М. Кузмина «Голландка Лиза», с забавными куплетами, два стихотворения Валерия Брюсова, блестящие по мысли и исполнению, его же поэму “Подземное жилище” <…> у нас не останется ничего, на что не хотелось бы подосадовать» [15; 57].

[2] Трагедия напечатана не была.

ми о необходимости в поэзии реалистической базы[1], Гумилев начинает видеть в нем не только учителя, но и союзника и поэтому всячески старается задействовать мэтра в подготовке и проведении «реформы» «Аполлона» и поэтической арены 1910-х гг.

В то время, как заметно поредевшая переписка Маковского и Брюсова 1912 г[2] концентрируется вокруг альманаха «Аполлона»[3], письма Гумилева к Брюсову все более касаются журнальных дел. Причем уже нераздельными для Гумилева оказываются журнальные и личные вопросы: «Сколько раз я начинал Вам писать. Хотел рассказать Вам о моем союзе с Городецким, о Цехе Поэтов и его отношении к Вячеславу Иванову, о будущей реформе “Аполлона” <…> Относительно моих стихов, может быть, Вы напишете *мне*[4] в “Аполлон” <…>»,— сообщает Гумилев Брюсову в мае 1912 [28; 508]. И далее: «Литературный Петербург очень интересует теперь возможность новых группировок, и по моей заметке <…> Вы можете судить, какое место в этих группировках отводится Вам. Я надеюсь, что альманах “Аполлона” окажется в значительной степени под влиянием этих веяний» [28; 509].

Рецензию на новую книгу стихов Брюсова, «Зеркало теней» («Аполлон» № 4, 1912), Гумилев пишет как раз с прицелом на то, чтобы обозначить «новые веяния» в литературе и указать то почетное место, которое при них занимает Брюсов.

---

[1] Помимо указанной статьи «О “речи рабской” в защиту поэзии» в №2 «Русской мысли» за 1911 вышел обзор Брюсова «Новые сборники стихов», где автор также настаивает на необходимости реалистической основы в поэзии: «Было время, когда русская поэзия нуждалась в освобождении от давивших его [стих. – *А. Ч.*] оков холодного реализма. Надо было вернуть искренние права мечте, фантазии <…> К сожалению, по этому необходимому пути пошли слишком далеко. Молодая поэзия захотела летать в стране мечты, отказавшись от крыльев наблюдения, захотела синтезировать, не имея за собой опыта, фактов. Отсюда ее безжизненность и ее подражательность…» [28; 503].

[2] Известно всего три письма Маковского Брюсову, датированные 1912 г.; в переписке Зноско-Боровского и Брюсова писем больше, восемь. Но и они уже носят преимущественно личный, а не редакционный характер. Зноско-Боровский высылает Брюсову свою драму «Эдип», интересуется возможностью напечататься в «Русской мысли» и т.д.

[3] Со второй половины 1910 года редакция «Аполлона» задумывает выпуск отдельных альманахов стихов и прозы. В 1911 г. напечатан первый выпуск. В год выходило по одному альманаху.

[4] Курсив мой. – *А. Ч.*

В. Брюсов, как известно, выступил против нового начинания Гумилева. Статья Брюсова «Новые течения в современной поэзии. Акмеизм», напечатанная в № 4 (апрельском) «Русской мысли» [6; 134–142], положила начало для разрыва поэтов. Что характерно, именно с этого момента, апреля 1913 г., имя Брюсова почти навсегда исчезает со страниц «Аполлона»[1].

Примечательно, что С. Маковский не приложил никаких усилий, чтобы вернуть Брюсова в журнал. В период с 1913 по 1918 г. главный редактор и бывший желанный сотрудник обменялись лишь двумя письмами. К 1913 году Маковский почти полностью отошел от заведования литературными делами журнала, передав почти все бразды правления Гумилеву. С января 1913 года Гумилев официально становится заведующим литературной частью журнала.

Кроме этого, к 1913 г. «Аполлон» уже не был столь уязвимым журналом, как в начале своего существования. Его могли осуждать, но с его существованием и мнением всем уже приходилось считаться[2], тем самым не приходилось так настойчиво обращаться к поддержке старших авторитетных литераторов. Более того, к 1913 г. Гумилев сам становится весьма авторитетным литератором. Так что роль мэтра, отводившуюся ранее Анненскому и после — отчасти — Брюсову, теперь по праву занимает Гумилев. В письме Гумилева Маковскому с официальным согласием курировать литературный отдел, Гумилев приносит торжественные обещания сохранять именно позиции прошлого мэтра, но не Брюсова, а Анненского: «Постараюсь осуществить не только те принципы, которые выдвинула практика этих лет, сколько идеалы, намеченные в вступительной статье к первому номеру “Аполлона”. Да поможет мне в этом одинаково дорогое для нас с Вами воспоминанье о Иннокентии Федоровиче!» [16; 170].

Приведенную реплику Гумилева интересно сопоставить с замечанием Маковского из одного письма Брюсову конца 1910 г., где главный редактор старался в очередной раз реабилитировать журнал в глазах мэтра: «В прошлом году мы неудачно на-

---

[1] Исключение составляет отзыв М. Тумповской на книгу Брюсова «Семь цветов радуги»[29].

[2] См., к примеру, статьи Б. Садовского [27; 4]; Владимира Гиппиуса [11; 3]; Б. Лавренева «Замерзающий Парнас» [21; 348–353] и т.д. Несмотря на подчас негативную оценку деятельности журнала, авторы соглашаются с тем, что «Аполлон» оказывается характерным явлением литературного процесса 1910-х гг.

чали статьями Бенуа и Анненского, и это отразилось на всем годе» [25, л. 14]. Извинения Маковского тогда и возврат к имени Анненского теперь подспудно свидетельствуют не только о новом повороте в эстетической позиции «Аполлона», но также и о том, что данный поворот совершал большей частью не главный редактор. Маковский, судя по всему, умел хорошо подстраиваться под ведущую идеологическую позицию журнала.

Таким образом, история формирования и реализации эстетической программы журнала «Аполлон» — явление чрезвычайно динамичное и в чем-то даже уникальное. Роли главного редактора, секретарей и ближайших сотрудников представляют собой не обычную служебную иерархию, а сложный рабочий механизм. Не имея собственных литературных предпочтений, главный редактор на разных этапах прислушивался к мнению многих, иногда разных литературных мэтров. Однако если состав мэтров и секретарей мог со временем изменяться, то неизменным оказывались посты не только главного редактора, но и ближайшего сотрудника, Н. Гумилева. Интересно, что динамика притяжения или отталкивания литераторов в орбиту «Аполлона» во многом совпадала с эстетическими предпочтениями Гумилева. Как кажется, уже на начальном этапе некоторые журнальные ходы были инспирированы поэтом (привлечение Анненского и Брюсова к сотрудничеству), однако вместе с тем многое оказывалось лишь удачным стечением обстоятельств (как в случае с полемикой по поводу «Заветов символизма»), последствиями которых умело пользовался Гумилев. На последнем этапе нельзя не отметить более настойчивую тактику Гумилева: закономерность в соотношении событий жизни Гумилева и количества появлений Брюсова в журнале прямо пропорциональны. После 1912 г. журнал стал восприниматься всеми как печатный орган Гумилева и акмеистов. По всей видимости, так же его воспринимал уже и Брюсов. Данное мнение в среде литераторов было все же неверным, но преобладающим.

Однако стоит еще раз упомянуть важный факт в существовании «Аполлона»: журнал никогда не был принципиально литературным. Литературный отдел, хотя и занимал большую часть журнала, но все же был только частью. Статьи о живописи, театре, пластическом искусстве, иностранной литературе появлялись в каждом номере и редко вызывали нарекания со стороны читающей публики. В свете этого роль Маковского как главного

редактора оказывается во многом оправданной. Роль Гумилева как куратора литературного отдела журнала тоже во многом приобретает весьма очерченные рамки.

Список литературы и источников

1. *Ахматова А.* <О Гумилеве>. Самый непрочитанный поэт // Ахматова А. А. Стихотворения. Поэмы. Проза. М., 1998.

2. *Бенуа А.* О розни среди художников // Речь. 1916. № 69 (11 марта).

3. *Богомолов Н.* Жизнь среди стихов. Валерий Брюсов — критик современной поэзии // Богомолов Н. Русская литература первой трети XX века. Портреты. Проблемы. Разыскания. Томск, 1999.

4. *Богомолов Н.* Проблематизация текста как способ чтения трудных мест // Новое литературное обозрение. 2007. № 85. С. 207–218.

5. *Богомолов Н., Гречишкин С., Кузнецова О.* Переписка В. И. Иванова с С. К. Маковским // Новое литературное обозрение. 1994. № 10. С. 137–164.

6. *Брюсов В.* Новые течения в русской поэзии. Акмеизм // Русская мысль. 1913. Апрель. № 4.

7. *Брюсов В.* Письма С. Маковскому // ОР РНБ. Ф. 124. Ед. хр. 676. Л. 3.

8. *Брюсов В.* Письма С. Маковскому // ОР РНБ. Ф.105. Ед. хр. 12.

9. *Брюсов В.* Письма С. Маковскому // ОР РГБ. Ф. 386. Карт. 71. Ед. хр. 76.

10. *Волошин М.* Письма С. Маковскому // ОР РНБ. Ф. 124. Ед. хр. № 75.

11. *Гиппиус Вл.* Литературная неделя. Что случилось? // Речь. 1913. № 68 (11 марта).

12. *Брюсов В. Я.* Переписка с Вячеславом Ивановым: 1903–1923 / Предисл. и публ. С. С. Гречишкина, Н. В. Котрелева и А. В. Лаврова // Литературное наследство. М., 1976. Т. 85: Валерий Брюсов. С. 428–545.

13. *Гумилев Н.* Неизвестные стихи и письма. Paris, 1980.

14. *Гумилев Н.* Письма о русской поэзии // Аполлон. 1910. № 8.

15. *Гумилев Н.* Письма о русской поэзии // Аполлон. 1911. № 8.

16. *Гумилев Н.* Письмо С. Маковскому // Гумилев Н. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. М., 2007. Т. 8.

17. *Зноско-Боровский Е.* Письма В. Брюсову // ОР РГБ. Ф. 386. Карт. 86. Ед. хр. 61.

18. *Кобринский А.* Дуэльные истории Серебряного века: Поединки поэтов как факт литературной жизни. СПб., 2007.

19. Блок в неизданной переписке и дневниках современников: (1898–1921) / Вступ. ст. Н. В. Котрелева и З. Г. Минц; Публ. Н. В. Котрелева и Р. Д. Тименчика; Подгот. текстов Ю. П. Благоволиной и др.; Коммент. Н. В. Котрелева и др. // Литературное наследство. М., 1982. Т. 92: Александр Блок: Новые материалы и исследования. Кн. 3. С. 153–539.

20. *Куприянов И.* Литературная мистификация в «Аполлоне» // Киев, 1970. № 2. С. 168–173.

21. *Лавренев <Б. С-въ>.* Замерзающий Парнас // Жатва. М., 1913. Кн. IV. С. 348–353.

22. *Лавров А.* А. Волынский и журнал «Аполлон» // Русские символисты: этюды и разыскания. М., 2007. С. 395–406.

23. *Лавров А., Тименчик Р.* И. Ф. Анненский. Письма к С. К. Маковскому // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1976 год. Л., 1978. С. 222–241.

24. *Маковский С.* На Парнасе Серебряного века. Мюнхен, 1962.

25. *Маковский С.* Письма В. Брюсову // ОР РГБ. Ф. 386. Карт. 97. Ед. хр. 27, 28.

26. <*Ред.*>. Вступление // Аполлон. 1909. № 1. С. 3–4.

27. *Садовской Б.* <Мимоза>. Аполлон-сапожник // Русская молва. 1912. № 8 (17 декабря).

28. *Брюсов В. Я.* Переписка с Н. С. Гумилевым (1906–1920) / Вступ. стат. и коммент. Р. Д. Тименчика и Р. Л. Щербакова; Публ. Р. Л. Щербакова // Литературное наследство. М., 1994. Т. 98. Кн. 2. С. 400–514.

29. *Тумповская М.* В. Брюсов. Семь цветов радуги // Аполлон. 1917. № 1. С. 38–43.

30. *Философов Д.* Акмеисты и М. П. Неведомский // Речь. 1913. № 47 (17 февраля).

31. *Шубинский В.* Николай Гумилев: Жизнь поэта. СПб., 2010.